

Мануил (Лемешевский), митр. «Соловецкий цветник» Ч. 2.

СХИМОНАХ АЗАРИЙ (Монах Герасим) († 22 июня 1914)

В записи синодика о. Флавиана значится творцом Иисусовой молитвы. Был старец великой духовной жизни. Блаженно почил о Господе 83-х лет от роду, скончался в келлии при закрытых дверях. Был келарием схииноческой столовой, всего прожив и потрудясь в монастыре 45 лет (у о. Игнатия значится за № 10). Он подвизался в св. обители бучейщиком одновременно со схимонахом Ананией, долгое время был на послушании синодичного в Благовещенской церкви. Последние годы, вскоре по пострижении в схиму, был отдан на духовное окормление духовному и гробовому иеромонаху Алексию. Был малограмотный.

Телесную мощь и силу сохранил до глубокой старости. Почти до последних лет своей жизни сам колол дрова. Бывало, братия возвращаются с утрени из собора и спрашивают его:

— Отец Азарий, брось работать. Пойдем чай пить.

А он отвечает:

— Да я уже чаю напился.

— Как?! Схимник ты, а уже напился чаю — так рано?!

— А я уже в [18]52 году как чаю напился, а после того и не хочу пить.

А сам так смиренно поглядит на любопытствующих из братии.

СХИМОНАХ АНАНИЯ

Проходил долгое время послушание бучейщика, а затем и заведующего бучильным корпусом. В святой обители на разных послушаниях прожил около 40 лет, а всей его жизни в монастыре было более 52-х лет. Скончался тихо в глубокой старости, почти 83-летним старцем (у о. Игнатия значится под № 9).

Окружающая братия считали его человеком высокой духовной жизни и, несмотря на малограмотность, просвещенным в ее тайнах, изведавшим и испытывшим многое на себе. Он служил живым примером всегдашней уравновешенности, безропотности, терпения болезней. Был безмерно нестяжательным.

Один из братии, больничный служитель, говорил о нем следующее:

«Однажды я был вызван к о. Анании осмотреть его больную ногу. Войдя в келлию, нашел его сидящим за работой. Он щипал пеньку, хотя ему тогда было от роду уже около 82-х лет.

Обстановка келлии была чрезвычайно убогой: в углу стол, небольшой шкаф с церковными одеждами и монашескими принадлежностями да посередине ее — маленький столик, на котором лежало кое-что из предметов для рукоделия. В другом углу висел простой рукомойник. Более ничего не было в келлии, даже отварной воды для питья — и той вовсе не оказалось, когда она потребовалась для перевязки и примочки больной ноги о. Анании. Среди братии было известно, что все, что ни получал о. Анания, он тотчас раздавал, почти ничего себе не оставляя.

При осмотре ноги обнаружилось, что на ней, от колена до стопы, не оказалось кожи, которая, сойдя, обнажила голое мясо. И, как выяснилось, такую боль старец терпел немалое время, нисколько не облегчая своих телесных страданий.

Мне стало не по себе, я даже пал духом, решив, что с перевязкой ноги придется возиться очень долго. Наложив повязку, я обещал о. Ананию зайти завтра и переменить ее.

На другой день стучусь в дверь больного старца, а он отвечает из келлии: “Ладно, что лечить-то, уже и не вылечишь”.

Тем лечение больной ноги и закончилось. Несомненно, он прочел и почувствовал в моей душе малодушие и все мои нехорошие мысли и решил не лечиться, предав себя воле Божией, коя продолжила его жизнь после сего еще на некое время».

Нестязательность и полное безразличие к окружающей обстановке, а также строгое соблюдение заветов преподобного Зосимы, основателя монастыря, — ничего снедного не иметь и не вкушать в келлии своей, — вот что украшало его жизнь. Он довольствовался исключительно общей братской трапезой. Был творцом Иисусовой молитвы. Церковные богослужения посещал неустанно.

ИЕРОСХИДИАКОН АРСЕНИЙ (Иеродиакон Антоний) († 10 августа 1922)

Иеросхидиакон Арсений, по прозвищу Хромой, по причине хромоты своей, был на более легких послушаниях при церкви.

Долго пребывал уставщиком в архангельском подворье, затем его перевели в монастырь; проходя череду служения, несколько лет работал в сетовязальне. Сетки вязал под тихое пение ирмосов и других церковных песнопений, которые он заучил наизусть за свое долготное послушание уставщика. Недолгое время был свечником в одной из кремлевских церквей. Последние пять лет перед кончиной он вновь проходил послушание уставщика и чередного в Филипповской церкви.

В своей келейной жизни, как монах нелицеприятный, он был воздержным во всех отношениях: и в слове, и в пище, и в питии, и в сне. Вставал задолго до полунощницы и начинал свое келейное правило многими поклонами, несмотря на больную ногу. Был болезненный, сухонький.

Отец Арсений много молился — вот общее мнение о нем старшей и младшей братии, знавших его как кроткого, смиренного и примерного инока.

Отца Арсения назначили к вывозу домой — и он очень плакал о том, чтобы его не отправляли отсюда. Тут же заболел, попал в больницу и там, недолго прохворав, к радости своей умер. Ко Господу отошел тихо, напутствованный всеми Таинствами. Похоронен с левой стороны кладбища, на флавиановой половине.

АРХИМАНДРИТ ВАРЛААМ († 16 декабря 1894)

Великий соловецкий старец, иеросхимонах Зосима, в свое время, при кончине настоятеля о. Варлаама, свидетельствовал ближним своим из братии, что Господь сподобил его знаменательного видения и соучастия в нем. В момент отшествия души о. Варлаама «он сам был духовно в числе небожителей в небесной славе и встречал со славою душу о. настоятеля, удостоенную доступа в обители небесные. В то же время он видел там многих благочестивых священнослужителей (очевидно, соловецких — и своих сверстников, и знаемых им), удостоенных райского блаженства, и в отдельном месте схимонахов» (Соловецкий Новый Патерик. С. 36).

О том же видении о. Зосимы было известно многим из братии и, в частности, подтверждение сего находим в словах нового соловецкого летописца иеромонаха Мануила.

МОНАХ ДАНИИЛ (старец Дионисий) († 31 октября 1888)

Сей замечательный старец и подвижник, удостоенный от Бога дара прозорливости в особенной степени, доживал свой век при настоятеле Соловецкого монастыря архимандрите Мелетии. Среди братии и богомольцев он слыл за о. Дионисия (его имя в рясофоре). Незадолго до смерти был пострижен в мантию с именем Даниил.

В подробностях жизнь его в описаниях не запечатлена, и сохранилось очень мало сведений о его подвигах и благодатных случаях великого дара прозорливости, передаваемых между братии изустно. К числу таких случаев относятся и следующие.

«В одно время, проживая в соловецком кремле, о. Даниил проходил по внутреннему коридору крепостной стены Соловецкого монастыря, где встретил одного инока, поприветствовав которого, спросил:

— Как, брат, живешь?

Брат сей разочарованно отвечал:

— Все мы живем очень худо, наверно и погибнем.

И в таком глубоком разочаровании продолжал свой разговор с о. Даниилом. На все это о. Даниил и говорит ему:

— Так думаешь, что все в монастыре грешники? Все погибнут? Нет, брат, напрасно ты так думаешь.

Сказав сии слова, стал о. Даниил смотреть в окно на братское кладбище. Собеседник о. Даниила также подошел к окну, а старец уже строго вопрошает сего скорбного инока:

— Посмотри-ка, брат, на кладбище, все ли в обители грешники?

И вдруг инок увидел горящие светильники над многими могилами почивших из братии. В это время о. Даниил снова спрашивает стоящего в благоговейном страхе инока:

— Ну-ка, брат, как ты думаешь, все ли грешники там? Нет, не думай так, много было здесь людей, угождавших Господу и от Него прославленных и упокоенных во Царствии Небесном, но неизвестных для нас. И сейчас еще много людей живет здесь благочестиво и богоугодно...

И множество других душеполезных наставлений поведал старец сему брату и отпустил его с миром душевным и бодрым духом, с изменившимся суждением о монастырской братии».

Соловецкий насельник, ныне покойный иеромонах Феодорит, поведал о нем следующее: «С молодых лет имея к соловецким угодникам усердие и желание пожить у них, я, наконец, с попутчиками совершил свое богомолье в Соловецкую обитель. Обходя скиты и на Секирной горе, нашел я там старца о. Дионисия, который сказал мне следующее: «Скоро сюда приедет твоя мать помолиться, ты же отсюда не уедешь, а будешь жить здесь, в монастыре».

И вот, помолившись в обители, собрался, было, я домой, но, встретившись с матерью, был возвращен ею назад и оставлен в обители трудником-годовиком. С тех пор уже живу здесь 35 лет, и, слава Богу, хранит меня Господь» (Соловецкий Новый Патерик. С. 45–47).

Некий старец монастырский поведал о нем следующее:

«Рассказывал мне трудник Петр (фамилии его не помню) из колесной мастерской, что он почитал о. Даниила и с благословения своего старшего иногда ходил к нему за советом или утешением. Вот его история.

«Была еще лютая зима, хотя на дворе стоял уже март месяц. Море между Соловецким и Анзерским островами сплошь замерзло, да и все губы сковало крепким льдом. Вот в это время, еще до наступления весенней распутицы, и задумал я сбегать к своему старцу. Зимняя дорога шла на Ребольду с 9-й версты вправо. Вот я и пошел, но, должно быть, заплутал, так как вышел на губу не в том месте, где существовал пеший переход. Возвращаться было некогда, и я пошел дальше. Анзеро было еще в 4-5-ти верстах от меня. Вдруг чувствую, что лед подо мною слабеет (должно быть, полынья попалась) и трескается. Вижу, не удержаться мне, уже провалился по пояс, а выбраться

сил нет, да и тонкий лед мешает. Страх близкой смерти напал на меня, и, не чувствуя холодной воды, карабкаюсь напрасно на лед, стал я с мольбою кричать:

— Отец Дионисий! Отец Дионисий! Не к тебе ли я иду, что же ты мне не поможешь?

И вдруг чувствую, что словно кто с необычайной силой выпихнул меня на твердый лед, и я в изнеможении упал на ноги. Но сейчас же, радостный от явившейся помощи и явного спасения от неминуемой смерти, побежал я вперед. Одежда и обувь на мне заледенели. В Анзер добрался к самой вечерне. Скрыл я от братии, кому обязан своим спасением. Обогрели меня, одежду высушили, и рано поутру побежал я на Голгофу.

Не доходя версту до скита, вижу, словно поджидает меня кто-то, спустившись с горы. Радости не было конца, когда я, приблизившись, узнал своего старца о. Даниила. Сам ласковый, но, как бы сердясь на меня, скороговоркой проговорил:

— Царица Небесная тебя спасла, Она тебя вызволила. А ты меня просил! Что вздумал — меня просить, от меня помощи ждать. “Отец Дионисий! отец Дионисий! Не к тебе ли я иду, что же ты мне не поможешь?” — повторил он мои слова.

А мне стало и стыдно за себя и радостно за него, что такого великого прозорливца Бог слушает и по его молитвам помогает нам, грешным”.

Но тут же о. Дионисий просил Петра трудника до его смерти о сем никому не сказывать. Так в простоте и смирении все благодатные с ним случаи он до времени скрывал от суждений братии, ибо себя считал недостойным тех милостей Божиих».

Как братия, так и богомольцы, которые прослышаны были о даре прозорливости о. Даниила, часто приходили к нему за благословением для начала своего дела. Когда принялись отливать новый 1000-пудовый колокол, и здесь не обошлось без о. Даниила. Пришли к нему мастера (а были они с воли) и говорят:

— Благословите, о. Дионисий, отлить и поднять колокол.

А о. Даниил на это им отвечает:

— В июне, к Петру и Павлу, а не то в июле отольете и подымете.

А мастера как раз перед этим обязались монастырскому начальству все эти работы закончить чуть ли не к середине мая. Поэтому, услышав эти слова, на этот раз они ему не поверили.

— Нет, батя, это больно долго, мы скорее подыдем.

Сделали все необходимое, затопили печь. Стали уже плавить медь в форму, как неожиданно печь не выдержала и разорвалась. Слава Богу, что все обошлось без человеческих жертв. Пока чинили печь, пока налаживали все сызнова, время-то и ушло. Так, словно по заказу Даниилову, ко дню св. апостолов Петра и Павла колокол и подняли.

Как-то двое из молоденьких годовиков порешили между собою сходить к о. Даниилу, чтобы порасспросить его о своей дальнейшей судьбе, так как заканчивался срок их пребывания в монастыре.

— Пойдем, брат, спросим старца, кто из нас домой поедет.

Пришли к о. Даниилу, а он словно их мысли читает. Подходит к одному и говорит:

— Ты поедешь домой.

Затем, ласково и грустно

глядя на другого, стоявшего со смущением в ожидании своего приговора, сказал:

— А ты, парень, не поедешь. Здесь останешься.

И что же? Последний трудовик, а был он лет 16-ти, будучи на послушании на ремонте квасных бочек, залез в 200-ведерную бочку для ее очистки, да и задохнулся там... После таких случаев слово о. Даниила возымело большую силу.

Приходит к нему один трудовик уже на Анзере. Показывает письмо от матери, которая пишет, что ждет его к себе на побывку. А о. Даниил, как бы не слушая его, с устремленным куда-то взором, тихо и грустно напевает на похоронный мотив:

— Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас... А народу-то, народу-то как много... — перебивает сам себя о. Даниил и продолжает: — Милая, лежит сном праведным... Царство тебе Небесное...

Трудовик так и не дождался ответа от о. Даниила. Но со следующей почтой он получил другой ответ — письмо от родных, извещавшее его о кончине матери и о погребении, которое происходило (как это он потом выяснил из дальнейших писем) как раз в то время, когда о. Даниил, прозревая сие, так прикровенно об этом говорил.

Отец Даниил проходил в монастыре немало послушаний, но недолго бывал на них — не уживался и явно блажил. Тянуло его в места пустынные, подальше от многого шума и людей. Назначили его старостой в малярную мастерскую, но ему это послушание было почему-то не по сердцу. И вот идет о. Даниил к свечнику, покупает свечи, поставляет их вокруг себя, зажигает, а сам начинает петь церковные песнопения. Собрались братья, доложили о. настоятелю.

— Умалишенный, — решили в соборе и во мнении братском и отставили от сего послушания.

Вскоре после этого назначили его очередным чтецом. В назначенный день и час стал он читать и вдруг как закричит на весь храм:

— Чудны дела Твои, Господи, вся премудростию сотворил еси.

Отец настоятель вынужден был отстранить его и от этого послушания. Тогда сделали его привратником у главных (святых) кремлевских ворот. Недолго пробыл он и здесь, хотя ничего особенного за ним замечено не было. Удивлял он всех лишь тем, что, сколько бы раз кто-либо ни входил в кремлевские ворота или не выходил из них, сколько бы народу ни проходило мимо него вообще, каждому он низко кланялся.

После этого назначили его сторожем-привратником в Успенскую трапезную церковь. Но и там, у дверей, он долго не простоял. В 1884 или 1885 году его перевели на Голгофу, в Распятский скит (отчасти, как неисправимого), где он и прожил остаток дней своих, предавшись всецело молитвенному подвигу и духовному деланию.

Отец Даниил долгое время пробыл рясофорным монахом, поэтому как среди богомольцев, так и среди братии и по сие время прозывается о. Дионисием Голгофским. На Голгофском скиту нес послушание синодичного, каковое исполнял с ревностью, любя помянуть покойников.

Имел он Библию громадных размеров. Она постоянно лежала у него на полу. Он любил читать Слово Божие и почти не расставался с ним. Бывало, когда приходили к нему братья или многочисленные богомольцы, прослышанные о его благодатных дарах, то он обращался со всеми очень внимательно и ласково, раздавал крестики, Троицкие листочки и др., но не всем все говорил из того, чего они ждали или хотели, потому что не с искренним чувством и покаянным настроением приходили к нему.

Родом о. Даниил был из Череповецкого уезда нынешней Северодвинской губернии, земляком его являлся престарелый монах о. Авдий, один из немногих оставшихся рассказчиков, нынешний летописец монастырской старины.

Братия монастырская считали о. Даниила истинным подвижником благочестия и свято чтят его память и по сие время. Никого он не боялся по-человечески, ни перед кем не пресмыкался, никому не льстил, а правду говорил всем в лицо. Бывали случаи, что и обличал кого следует, но делал все это под маскою юродства. Подвиг такой взял он на себя не сразу, сначала братья замечали в нем только странности, но от времени это выявлялось определенно, и он во мнении богомольцев и братии слыл за «блаженненького». «Блажит отец Дионисий», — бывало, говорили про него, и все уже знали, что он что-либо особенное или сотворил, или сказал.

СХИМОНАХ ДИОМИД (Монах Тарасий) († 29 августа 1921)

Монах Тарасий, уроженец Вологодской губернии Кадниковского уезда; бедных, но православных родителей. В миру именовался Диомидом. Дома приходилось ему всяко пожить — и по миру с зобней, и в пастухах с сумой. В монастырь прибыл на 25-м году от роду. Первоначальное послушание, которое очень уважал, несколько годов полагал трубочистом. Потом ему поручено было послушание в скитах, затем проходил несколько лет пономарем при церкви в Муксалме и в Савватиеве. Грамотой владел плохо, только для себя разбирал. Под конец жизни читал в Савватиевой пустыни Псалтирь, с поминовением о здравии и за упокой рабов Божиих, благотворителей св. обители.

Жившему на послушании в сапожной мастерской одному годовику богомольцу, у которого сильно болела голова (уже в течение нескольких дней), во сне явился монах Тарасий и говорит: «У вас в сапожной мастерской, у икон, есть святой крест, сотвори пред ним три земных поклона, поцелуй его, приложи к больной голове и получишь отраду». Парень сделал, как ему было велено, и получил облегчение.

Монах Тарасий был прилежен к церковным службам и к келейно-му монашескому правилу, которое никогда не пропускал. Любил читать акафист преподобным Соловецким чудотворцам (по несколько раз в течение недели). Никогда не бывал праздный, все что-нибудь да делал. Отличался безграничным послушанием.

Однажды пришел он из скита в монастырь к одному брату (который и теперь еще жив) и сказал: «Да, брат, отец Н., я скоро, кажется, помру». А брат ему и говорит: «Сделай такую милость, исполни мое послушание, явись мне за три дня до моей смерти, чтобы мне с покаянием помереть». Первоначально стал он отказываться, мол, грешный, нет, нет, не берусь за это дело, а брат и говорит: «Да как же так — раньше ты был послушный, а теперь отказываешься?» Тогда он согласился.

В конце жизни он ослеп и был пострижен в схиму о. игуменом Феофаном с мирским именем Диомид. Немного поболел, с миром скончался. Прожил он в монастыре 43 года.

С подлинным верно: иеромонах Мартин.

ИЕРОМОНАХ ДОРОФЕЙ БОЛЬНИЧНЫЙ († 19 апреля 1919. Пасхальная неделя)

Из монашествующих, добрым подвигом подвизавшихся в монастырской больнице, обращал на себя особое внимание своей высокой, дивной богоугодной жизнью заведующий больницей иеромонах Дорофей (в миру Яков Иванович Лебедев). По образованию он был не врачом, а фельдшером, но, несмотря на это, поражал всех обращавшихся к нему своим большим опытом, наблюдательностью и знаниями в медицинской области. Много лет трудился он в Соловецкой обители, облегчая телесные недуги и ободряя малодушных и тяжело и безнадежно больных. Постоянно уравновешенный, веселый, ласковый, какой-то особенно обаятельный, всегда добрым приветливым словом придаст всем бодрости, душевных сил, поднимет дух. Пламенеющий в молитвах о страждущих, он всегда — во всякое время дня и ночи и не в свои часы дежурства — готов был прийти на помощь близкому и для отдания последнего долга — исповеди с причастием и отходной. И легко, как-то отрадно было умирать в его присутствии, без страха уходить примиренным в вечность.

По назначению губернских властей он поступил в больницу Соловецкого монастыря сперва в звании фельдшера. С течением времени возымел рвение к монашеской жизни и постепенно, проходя ступень иноческого жития уже на положении насельника св. обители, а не служащего, он сподобился пострижения в мантию с именем Дорофей, а по некоем времени и возведения в сан иеромонаха, пробыв недолго в звании иеродиакона. Вот с этого времени и начался его подвиг безмездного врачевства и облегчения страждущей братии, трудников и богомольцев. На этом послушании о.

Дорофей явил собою дивный образец неустанного и безропотного служения, редкого прилежания и усердия. В скором времени он приобрел общую братскую любовь и неограниченное доверие как отца настоятеля, так и монастырской братии.

Он почти не знал покоя в заботах и хлопотах о больных. С раннего утра начинался его трудовой день в больнице. За литургией, которую он часто служил в больничной церкви, он усердно молился за тяжелобольных и благоговейно чтит молитвами память умерших у него в больнице. Вскоре после службы начинался обход палат. Являясь к пациентам, о. Дорофей сначала клал три поклона перед палатными иконами, потом приветствовал больных, ободряя их уже одним своим веселым видом, ласковым утешающим словом поддерживая малодушных и тяжкобольных. А осматривая больного, всегда утешал его надеждою на скорое выздоровление с помощью Божией. И больные чувствовали себя в его присутствии особенно благодатно и радостно и всегда скорбели, когда он покидал палату, хотя бы и ненадолго; но особую печаль причинял он им, когда отлучался из кремля или монастыря по делам службы.

В последние годы своей поистине многотрудной жизни о. Дорофей стал жаловаться на ноги, но все же, несмотря на частые и сильные ревматические боли, не бросал своего послушания и продолжал нести его так же безукоризненно и безропотно, как и раньше. Будучи родным отцом не только для своих больных, но и для больничных служащих, он, ослабевая телесно в почти непрерывных трудах, всегда был вовремя заменяем сослуживцами-иноками, которые сами наперебой старались помочь ему в служении больным, а также оказать помощь и ему самому, постепенно изнемогавшему на сем великом и святом поприще.

Незадолго до своей кончины он стал заметно слабеть, но зато часто приобщался Святых Тайн. Наступил день кончины. Вдруг он просит окружающих повернуть его лицом к лику Богоматери. Почувствовав в это время некое облегчение, он говорит весело: «А я теперь ничем не болен». И, сказав сии слова, чрез несколько минут с молитвою на устах блаженно и тихо почил — безмездный врач и целитель душ и телес болящих братий и трудников.

Отпевание и погребение его отличалось редким, единодушным многолюдством монастырской братии, свидетельствовавшей свое особенное уважение к нему множеством молитвенной благодарности за те милости и облегчения, кои Господь являл им по молитвам своего соловецкого Пантелеймона (Соловецкий Новый Патерик. С. 56–58).

МНОГОБОЛЕЗНЕННЫЙ МОНАХ ЕВФИМИЙ († 7 октября 1918)

В числе иноков, начавших свое монастырское житие в Соловецком монастыре при настоятеле о. Мелетии, одним из немногих, достигших к старости особого умилительного дара терпения телесных скорбей и радования о них, был монах Евфимий, прозванный за долголетнее пребывание на одре болящим — многоболезненным. Всей жизни его было около 67-ми лет, жизни же в обители — около 40. Родом он был из Новгородской губернии. Около 20-ти лет по прибытии в монастырь он поочередно исполнял целый ряд ответственных хозяйственных должностей и с большим усердием нес свое послушание (эконома и др.). Вторая половина жизни его в св. обители сложилась скорбно. Неизвестно по какой причине разболелась у него нога. На холке образовалась значительная язва, которая со временем увеличивалась и причиняла о. Евфимию нестерпимую боль, поэтому ходил он постоянно в чулках и галошах. Лекарства не приносили ему никакого облегчения, и последние семь лет о. Евфимий пролежал на одре, сперва в богадельне, в Савватиевском скиту, затем в монастырской больнице, так как болезнь захватила и другую ногу, а раны от времени заросли диким мясом. Кроме того, к основной болезни прибавилась грыжа, а также его постоянно мучила головная боль. Такое болезненное состояние отражалось на больном сильной бессоницей, лишь ненадолго прерываемой

легким сном-забытьем. В пище он был весьма воздержан, даже не вкушал многого из того, что полагалось ему по больничному столу.

Несмотря на все страдания, был он всегда всем доволен, никогда не роптал на Бога, с окружающими старался обращаться ласково, кротко, а с приходившими к нему постоянно вел духовные беседы, говоря:

— Ах, как будет больно за грехи вечно мучиться. Я вот ныне не могу терпеть своей болезни, а как тогда будет терпеть? Теперь, хотя и трудно терпеть, но все же мука когда-нибудь да кончится, а там будет она без конца.

Когда подавали больничную пищу, всегда хвалил:

— Сегодня царский обед у меня...

С окружающей больничной прислугой обращался на редкость ласково и предупредительно. Унывавших и устававших на своих послушаниях всегда ободрял назидательными рассказами и примерами как из жизни св. отцов, так и из сказаний о соловецких старых и современных ему праведников и подвижников благочестия, а в виде наставления всегда указывал на то, как полезно и богоугодно терпение скорбей и несение болезней и как спасительно служение больным и страждущим.

Еще задолго до своей кончины он раздал братии принадлежавшие ему вещи. Расточив все до последней тряпки для язв своих, о. Евфимий воистину уподобился многострадальному Иову, как о сем свидетельствовала больничная братия, видя его язвы, внимая его страданиям, удивляясь его терпению и благоговей пред его непрестанною сердечною молитвою, кою он скрадывал свои скорби и поддерживал свое радование о Господе.

По свидетельству окружающих, имели место также случаи его про-зорливости, которые он тщательно от всех скрывал. Один иеромонах, бывший монастырским экономом, ночью неожиданно заболел. Нашла на него общая простуда. Много перенес больной; хотя и был кротким и уми-лительным, но все же под конец пал духом. Прибежал больной инок в больницу, и встретил его в своей палате о. Евфимий. Запросил он у отца Евфимия водицы. А тот, словно угадав его настроение, строго обратился к больному с назиданием: «Не падай духом».

Учил всех перед кончиною, что надо «все терпеть, за все благодарить Бога». Предсмертную исповедь делал игумен о. Ф.

СТАРЕЦ ИЕРОСХИМОНАХ ЗАХАРИЯ (ЗИНОВИЙ)

Был спостником и сподвижником по послушанию о. Кирилла († 8 сентября 1903). Небольшого роста, худощавый, к старости стал весь сухой. По происхождению — хохол Воронежской губернии, кличку имел Зиновий Хохол. Недолгое время проживал на архангельском монастырском подворье.

Монастырское начальство долго не давало ему священства, но, очевидно, кто-либо хлопотал о нем, и тогда, согласно личному желанию митрополита Исидора, Св. Синод постановил возвести его в сан иеромонаха.

В Соловецкую обитель поступил при настоятеле о. Мелетии и, прожив до глубокой старости, почил о Господе в день Рождества Пречистой Богородицы, но не в своей родной обители, а в Печенгском монастыре, где пребывало немало ссыльных из числа духовенства.

Особую ревностию отличался в ежедневном посещении всех монастырских служб, к началу которых приходил одним из первых и не старался покидать их с поспешностью после окончания. Больше всего любил служить панихиды и молебны. Так же, как и о. Кирилл, любил поминать покойников. И хотя славянские книги читал по складам, но благодаря своему смирению уже при жизни творил чудеса.

Когда о. настоятель вручал кого-либо из вновь постригаемых под его начало, то о. Захария налагал на них очень большие келейные правила, бывавшие им зачастую не под силу; вообще в такого рода наставительных монашеских деланиях он считался среди братии очень строгим. И некоторые, бывало, боялись получить его своим старцем.

Отец Захария свои келейные подвиги скрывал от братии. Никогда не ходил мыться в баню, а опрятывал себя дома, неизвестно как. Спал очень мало, да и то большей частью сидя, не позволяя себе лечь на койку. В обращении с окружающими и братией отличался редкостным смирением и безмерной простотой, всегда со всеми был справедлив и терпеть не мог неправды, несправедливости и т. п., за что и пострадал немало от своего монастырского начальства, будучи ссылаем за свои «слова и мысли и обличения старших» на исправление на остров Конда; а затем, когда и там «не исправился», сослали его в Печенгский монастырь, где и был он со временем пострижен в схиму. Но все эти внешние скорби нисколько не поколебали его в той стойкости, с коею он защищал все правое и Божие. В Печенгском монастыре он и принял кончину, которая была так же тиха, кротка и блаженна, как и вся его монастырская жизнь.

На Конде о. Захария был за строителя. Благодаря своей природной энергии очень много он сделал за небольшой срок своего пребывания на острове. Сам яблони насадил, и до сего времени они растут и плоды дают в достатке, немало устроил в местном хозяйстве. Соловецкие богомольцы и рыбаки и там не оставляли его, а последние, постоянно останавливаясь по пути на Конде, одаривали его с братией рыбой, картофелем и другими продуктами своего производства. Слава о нем с Соловков дошла и до этого места.

— Батюшка, помолись за нас, твоя молитва до Бога доходна, — говаривали они, оделяя его своими излишками. И верили в него, как в угождающего Богу своими добродетелями и тайными молитвенными подвигами.

Отец Захария несомненно обладал даром прозорливости. В среде Соловецкой братии сохранилось немало свидетельств исполненных его пророчений как о насельниках монастыря, так и о самом монастыре.

Он читал мысли и желания приходивших к нему и тут же изобличал в неправде и в несправедливости тех из них, кои шли к нему, желая или скрыть от него что-либо нехорошее, или оправдаться.

Задумал один монах купить себе очки дальние (бинокль), да уж очень дорого они стоили. Пошел он как-то к о. Захарии посоветоваться о чем-то, а тот его встречает следующими словами:

— Очки-то дальние не покупай, отец, глаза испортишь.

Как сказал он, так и послушался монах и более не помышлял об этой покупке.

За получением жалованья для братии о. Захария сам иногда приезжал из Печенги в Соловки и останавливался в гостинице. Как-то раз потерял он там 5 рублей. Деньги нашел помощник гостинника и рассказал об этой находке гостиннику о. Ксенофонту. И решили они затем сдать деньги о. казначею. Вдруг встречается о. Захария и говорит помощнику гостинника, пытливо всматриваясь в его лицо:

— Алексей, а не нашел ли ты моих монеток?

«А мне сразу стало стыдно, и я тотчас отдал ему 5 рублей. И солгать, и украсть, и тяжело согрешить не допустил о. Захария, вовремя оберегая нас от греха», — рассказывал впоследствии Алексей — помощник гостинника.